

Русская мысль - Париж - 1995
- 16-22 марта - в. 10.
Николай Оцуп

Н.С.Гумилев. Его жизнь, творчество и время

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Книга Н.А.Оцупа «Н.С.Гумилев. Его жизнь, творчество и время», написанная по-французски в начале 50-х годов, так и осталась неизданной. Мне — я был тогда одним из его учеников в Парижской Высшей школе (Эколь нормаль суперьер) — автор подарил машинописный экземпляр. Так как эта книга показала мне любопытнейшей во многих отношениях, я взял на себя труд по переводу на русский язык ее двенадцати глав. Здесь я предлагаю читателям 9-ю главу.

Книга Н.А.Оцупа интересна не только глубоким знанием творчества вождя акмеизма (Оцуп работал в 1919—1921 гг. соредктором сборников второго «Цеха поэтов»), но и панорамным воспроизведением литературного Петербурга начиная с 80-х годов прошлого века. Исследование Оцупа изобилует рассуждениями об истории и судьбе России в переломные роковые 1917—1921 гг., о своеобразии русской «европейской» культуры, интегрирующей и сокровища восточной цивилизации. Разгадывая постепенно загадку Гумилева, автор заодно расшифровывает «загадку России» — от далекого прошлого до пятидесятих годов нашего века.

Николай Гумилев.

По своему охвату (личностному и историческому) книга Оцупа является, как нам кажется, самым полным и научно обоснованным исследованием творческого пути и судьбы одного из самых крупных национальных поэтов России.

ЛУИ АЛЛЕН

Лилль—Париж

Три последних года жизни Николая Гумилева

Возвращение Одиссея

Прожив несколько месяцев в Лондоне, где были написаны несколько пьес и драма в стихах «Отравленная туника», Гумилев вернулся в Россию летом 1918 г. Он говорил, что эта поездка была одним из самых нелегких приключений в его жизни. Будучи жертвой великой русской трагедии, Гумилев не чувствовал себя блудным сыном в родной стране. Это возвращение походило скорее на возвращение Одиссея, одного из его любимых героев. У русского поэта были свои заслуги перед родиной, и он был вправе гневаться на «тыловиков» всех мастей.

Духовный климат столицы

Однако жизнь оставшихся в северной столице мало походила на беспрепятственные пиры, устраиваемые во дворце царя Итаки поклонниками Пенелопы.

Все расхищено, предано, продано,
Черной смерти мелькает крыло,
Все голодной тоскою изглодано, —
Отчего же нам стало светло?
(Анна Ахматова)

В Петрограде, в скучном ресторане Дома литераторов, голодные писатели говорили только о хлебных пайках, о керосине, о возможности найти что-нибудь на черном рынке, что было, впрочем, очень опасно: борьба большевиков со «спекуляцией» была беспощадной. Тот, кто хотел добыть продовольствие помимо личных месячных пайков, которых едва хватало на две недели, чтобы не умереть с голоду, — подвергался смертельной опасности. Вопреки этому Борис Пильняк и другие писатели помоложе да поотважнее становятся «мешочниками», совершая поездки иногда за сотни километров и подчас рискуя жизнью во время этих жутковатых экспедиций.

«Обдись» и «Обдиск» (обитатели и обитательницы Дома искусств) пользовались тем преимуществом, что жили рядом с залами, где самые видные литераторы читали лекции по поэтическому искусству, просодии, истории русской и всемирной литературы и т.д. Но их измученные глаза выдавали страх голода.

Пусть одинок, но радостен мой век,
В уничтожение влюбленный...
Да, я, как ни один великий человек,
Свидетель гибели вселенной,

— писал Блок.

Впрочем, ни он, ни Гумилев не страдали от голода. Им обоим завидовали простые смертные, ибо они были занесены в список тех, кто получал специальный паёк от Дома ученых (паек «Цекубу» — Комиссии по улучшению быта ученых). В этот паёк входили жир, сахар, мука и другие продукты в достаточном количестве, чтобы не умереть с голоду. Но так как и у Блока, и у Гумилева были еще семейные обязательства, им приходилось добывать лишние пайки. Блок стал литературным консультантом при одном из государственных театров. Гумилев перебивался тем, что читал лекции о поэзии для широкой публики — вынужденно погрузившись в «культурную» деятельность эпохи военного коммунизма и НЭПа.

Пролеткульт

Соблазнительно назвать этот период временем лекторов. Пролеткультовцы, эти новорожденные «литераторы», были уверены, что открывают новую эру в мировой литературе. Им казалось, что стоит только немного подучиться у «спецов» и потом все пойдет как надо. Тогда был большой спрос на «техников» словесного искусства.

Председатель петербургского пролеткульта Маширов (псевдоним — Самобытник) был в самом деле самобытным человеком. Несмотря на покровительство советских властей, которые помогали всему, что могло обеспечить полную победу коммунизма, этот пролетарский поэт, робкий и чистосердечный человек, нищенствовал с женой и маленьким ребенком в одной из комнат большого реквизируемого дома, в залах которого пролетарские поэты собирались вокруг «буржуазного» докладчика. Самобытник был мечтателем-идеалистом, странным и симпатичным человеком. Он исчез в водовороте борьбы между непримиримой идеологией чистого марксизма и более либеральным течением, которое временами брало верх в самих рядах коммунистической партии.

Самобытник был готов пожертвовать всем для того, чтобы следовать высшему призыванию поэта. Не оказался ли он, бывший чернорабочий, связующим звеном между «спецами», богатыми опытом прошлого, и «грядущими силами будущей пролетарской культуры»? В то время люди, едва умевшие владеть пером, провозглашались надеждой советской и мировой литературы. Бывшему булочнику, смазчику, сапожнику приходилось слушать лекции о Вергилии, Гёте, Пушкине. Человек, привыкший потеть в котельной, должен был, по гениальному выражению Бодлера, «оросить поле искусства солеными слезами седого льва». Самобытник был культурнее, даровитее, скромнее других. Стихи этого пролетарского певца, который подражал Бальмонту и Фофанову, но говорил только о любви к заводу и к семье, были иногда трогательными. Большинство его коллег были гораздо более самоуверенными, а между тем их творения казались не только «буржуаз-

ным» писателям, но и Горькому, Луначарскому, Троцкому претенциозными и безвкусными.

Последние боролись, чтобы смягчить строгие меры партии к интеллигенции, воспитанной при царизме. Мало-помалу возникала литература «попутчиков». Каждая противоборствующая сторона имела тогда в Петрограде свой штаб. Государственные писатели примыкали к Пролеткульту, у которого были свои отделы в разных местах. Независимые писатели собирались чаще всего в Доме искусств. Там, в большом, плохо отапливаемом зале устраивались литературные и музыкальные вечера. В маленьких гостиных студенты этого своеобразного университета слушали лекции. Среди профессоров главенствовали двое — мэтр поэзии Гумилев и мэтр прозы Замятин.

«Серапионовы братья»

Литературная группа «Серапионовы братья» была основана 1 февраля 1921 года в Петрограде при Доме искусств. Она имела чрезвычайное значение в истории советской литературы. Как мы отметили ранее, самим коммунистам не очень нравились однообразные припевы «политграммотеи», представлявшие Россию в качестве образцов нового стиля рабочего класса. Сравнительно приемлемые сочинения некоторых пролеткультовцев, оказавшихся даровитее других, не спасали общей ситуации. Писатели, даже известные, не могли печататься в такое время. Разрешались только газеты и издательства явно коммунистического направления. Деятельность независимых писателей и поэтов ограничивалась лекциями и переводами. Такое положение не могло длиться бесконечно. Читатель ждал от писателя помощи. Все было шатко и непонятно, требовался испытующий взгляд художника, чтобы проникнуть в хаос нового советского мира. Молодые слушатели литературных курсов Дома искусств пытались ответить на этот молчаливый призыв к помощи.

Несмотря на все недостатки первых опытов, «Серапионовы братья» положили начало той литературе советского периода, которая, не пользуясь полной свободой, являлась тем не менее «государственной» литературой.

Большинству пролеткультовцев приходилось учиться грамматике перед тем, как совершенствоваться в литературной работе. Зато почти у всех «серапионов» был аттестат зрелости. Петербургские мэтры сочли их достаточно подготовленными учениками. Некоторые из них, в свою очередь, стали со временем настоящими художниками слова, такие, как Зощенко в прозе или Тихонов в поэзии.

Гумилев и Замятин были почти ровесники. В начале революции оба находились за границей, затем вернулись в Петроград почти одновременно.

Их сближают многие черты характера. Гумилев был человеком дисциплинированным, одаренным крепкой волей и самоконтролем. То же самое можно сказать и о Замятине. И тот и другой «алгеброй поверяли гармонию», однако это не означает, что они походили на Сальери.

Печатается в сокращении.
Продолжение следует.